

«ЗА КАЖДЫМ ТЕКСТОМ ИЛИ ЗА КАЖДЫМ МОДУСОМ ПИСЬМА
СТОИТ КАКАЯ-ТО ИСТОРИЯ»

Интервью с Игорем Гулиным (записал Сергей Ивкин)

*Всероссийская литературно-критическая премия «Неистовый Виссарион»¹ возникла в 2019 году по инициативе Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского (Екатеринбург). Профессиональная награда ежегодно присуждается живущим в России авторам за значительные достижения и творческую активность в области критики, обращенной к современной русскоязычной литературе XXI века. Сейчас – четвертый сезон премии, он завершится 6 июня, а в минувшем сезоне победителем стал **Игорь Гулин**.*

– Получение премии «Неистовый Виссарион» стало каким-то этапом в вашей профессиональной деятельности?

– Сложно сказать про этап, но, безусловно, мне было лестно и очень приятно.

– Влияние Виссариона Белинского на русскую литературу оценивается каждой эпохой иначе. Как вы сейчас относитесь к данной фигуре?

– В последние годы возник тренд на реанимацию линии русской демократической критики XIX века – Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Скажем, мой друг, рэпер и критик Иван Смех этим долго занимался. Я слежу за этой работой с интересом, но не могу сказать, что меня самого такой модус письма как-то вдохновляет. Может быть, для меня просто еще не настал момент его переоткрыть.

– Вы работаете критиком в ежедневной газете и являетесь критиком-универсалом, разбирающимся в самых разных сферах искусства. Это время диктует невозможность узкой специализации (например, критиковать только балет) или это ваши личные предпочтения?

– Мне кажется, я совсем не универсал. Как раз про балет я не знаю абсолютно ничего, как и, например, про сериалы или про футбол. Меня интересуют очень конкретные сюжеты, хотя интересуют в разных медиумах. Думаю, что переключение между формами позволяет не застывать и ощущать, что мысль движется.

– Мне кажется, что при частом обращении к одним и тем же темам повторы неизбежны. Что позволяет вам их избегать?

¹¹¹ <http://book.uraic.ru/project/premiya-neistoviy/index.html>

– Ничего не позволяет, конечно, ты все время чувствуешь, что повторяешься. Во многом это как раз вызывает раздражение, начинаешь спорить с собой – и поэтому говорить что-то новое.

– Размышляя о профессии критика, вы назвали себя не-критиком, поскольку видите в книге не объект оценки, а что-то вроде сюжета. Что вы понимаете под сюжетом?

– Вместо сюжета можно сказать «событие», но, во-первых, у этого слова слишком много лишних коннотаций, а во-вторых, в нем нет оттенка длительности. Я имею в виду, что за каждым текстом или за каждым модусом письма стоит какая-то история. С конкретным человеком (или со всей культурой) что-то произошло. Какая-то встреча, обращение, утрата – в общем, перемена. И эта перемена заставила его писать и писать именно таким образом. Вот это то, что меня интересует: хочется вычитать из письма эту историю.

– Бумажную книгу сейчас часто представляют анахронизмом. Для меня одно из главных достоинств книги – её порционность, замкнутость. Как вы видите дальнейшее существование книги стихов или же книги критики? Достаточно ли традиционной формы или книге необходима интерактивность, соединение с сетью?

– Я ненавижу читать с компьютера, а читалки у меня даже нет. Мне очень важен в отношении с текстом элемент тактильности. Но сам я рефлексирую его издержки и некую неадекватность современной жизни. В бумажной книге есть элемент сопротивления, упорствования перед «прогрессом». В этом ее шарм, поэтому синтез с сетью ей совершенно не нужен. Сколько она проживет – зависит и от того, как будут меняться формы письма. Многие из того, что сейчас пишется, органичнее существует в интернете, и перенос на бумагу в этом случае – подчеркнуто парадоксальный ход. Пока что он еще работает, и в бумаге у текста больше веса. Но что будет дальше, мы не знаем.

– Существуют последовательные исторические перемены в русской литературе, когда одна ведущая стратегия логически сменяется новой, и так далее. Изучая прошлое, можно ли прогнозировать это развитие? Или история литературы абсолютно непредсказуема?

– Я думаю, что предсказание имеет смысл не как речь о будущем, а как работа с тем положением, что мы имеем сейчас, – один из инструментов анализа настоящего. (Это как с научной фантастикой.) Мы можем увидеть какой-то повтор структур, и он нам поможет по-новому назвать текущее, что-то в нем разглядеть, чего оно само не видит, и взвесить его шансы. Но пафос циклической детерминированности – при всем блеске построений, который он может обеспечить, – мне совсем не близок.

– Поэзию 2000–2010-х годов вы разбирали как поэзию идентичности, поэзию маски, когда поэт говорит от лица персонажа или предмета, лишённых речи, подчёркивая, что такая поэзия обязана немного раздражать, сводиться в

итоге к цинизму и трансгрессии. Изменилось ли что-то в 2022 году? Достигли мы непроходимой границы? Или пересекли, даже не заметив?

– *Вы немного совместили разные вещи, про которые я в разное время писал, но это не так важно. Если честно, говорить в 2022 году хоть что-то о будущем состоянии поэзии и чего угодно кажется невозможным. Мы перешли такую границу, что все прочие границы сейчас – труха. Нужно радикальнейшим образом пересобрать все, но это нужно делать тоже не сейчас. Если сейчас начать сосредоточенно заниматься созидательной культурной работой, такие попытки сразу превратятся в профанацию.*

– У каждого автора прослеживаются отцовские или материнские фигуры (часто их больше двух), на которые он время от времени оглядывается в спорах или суждениях. На основе прочитанных ваших статей сложился список: Михаил Кузмин, Константин Вагинов, Владимир Набоков, Филип Дик, Олег Юрьев. Каков «пантеон» учителей на самом деле?

– *Довольно неожиданный список. К Набокову я на самом деле прохладно отношусь. Если говорить именно о критике, главным учителем для меня, конечно, был Григорий Дашевский. Олег Юрьев, правда, очень повлиял, хотя это было такое влияние-отталкивание, в какой-то момент – Александр Гольдштейн, авторы 20-х – от Тынянова до Пумпянского. И есть фигуры других языков, на которые тоже всегда оглядываюсь, – Вальтер Беньямин, Сьюзен Зонтаг, Джон Берджер.*

– Не превратило ли вас увлечение Константином Вагиновым в «коллекционера странностей»? Если да, что именно вы коллекционируете?

– *Не думаю, что Вагинов виноват, но, конечно, у меня тоже есть такая органика (скорее отчасти из-за нее я Вагиновым и занялся). Я с ней иногда борюсь, а иногда принимаю. Стараюсь не копить физические объекты, хотя в итоге всякими странными штучками завален дом. Очень люблю фотографировать мелкие странности и выкладывать в инстаграм (снова тема интернета и физического мира). В том, что касается объектов исследований, меня тоже иногда уносит в эту сторону. Вроде советских производственных драм, которых я посмотрел десятки и о которых долго писал.*

– Вы говорили, что позднесоветская эпоха вас занимает больше, чем авангардная. Насколько ощущается её влияние в современной литературе? Какие из её имён по вашим наблюдениям продолжают работать?

– *Про современную литературу сказать сложно, но интеллектуальная мода на застойную эпоху, конечно, сильно ощущалась в последние годы. Хотя и в литературе она была, вспомнил замечательное стихотворение Даниила Да про Брежнева. Эта мода была связана с тем, что мы сами жили в подобии застоя – он был устроен совсем иначе, чем застой советский, но сложным образом с ним резонировал. Выживет ли этот интерес сейчас, после того «наш застой» закончился катастрофой и мы вступили в какое-то еще непонятное время, – для меня большой вопрос.*

– В интервью для портала «Горький» вы отметили, что культура мейнстрима в России невозможна (поскольку существует лишь в связи с социально-этической нормой, а у нас её нет, или она только начала вновь формироваться), и мы наблюдаем коллекцию маргинальных феноменов разного масштаба. То есть изучающий литературу должен изначально выбрать для себя маргиналию или напротив не принадлежать ни к одной?

– *Я думаю, что сейчас как раз вырабатываются большие этосы, а вслед за ними могут возникнуть и новые способы существования в культуре. Субкультуры – это феномены спокойных эпох. Во время потрясений они не выживают и либо умирают, либо переоформляются во что-то новое. Хотя это тоже предположение.*